

Так случилось, что, отслужив Русскому театру имени Горького с 1973 по 1981 год, бывший главный режиссер Борис Луценко через десять лет возвратился сюда — снова главным. Пришел, приглашенный коллективом. Ну, как тут не спросить:

— Не опасайся!.. Сказано ведь: нельзя дважды входить в сдвин и тот же поток...

— Я пришел в театр честно, без интриг. Думаю, если человек ходит нормально, а не какими-то темными коридорами, то не надо бояться. Главное — есть ли у него программа. Если есть программа, не страшно, хотя и трижды, входить.

Я последние годы стал понимать, что человек на земле не находит пристанища, и никакими «измами» его не спасешь. Ни рыночной экономикой, ни... Ничем... Человечество все равно заходит в тупик. Человек рвется к благополучию и забывает, что он временный жилец на этой земле. И не постигает самого главного — тайников своей души. Не стремится постичь тайны вечности. Я стал завидовать именно тем людям, которые

лем... Что же я предлагаю? Скажем, не пойдет, наверно, зритель на «Простачков...». Не знаю. Пойдет — не пойдет, мне не важно. Мне важно было выпустить спектакль, который бы задел кого-то, заставил думать... Победил я или нет — время покажет. А идти сейчас на компромисс — боюсь... Хотя есть у меня в запасе пьеса... Есть задумка поставить коммерческий спектакль.

— После Мережковского!..

— А почему бы и нет... Когда я ставил «Трехгрошовую оперу», понимал, что на нее пойдет зритель. Кстати, тоже уходили после первого акта... Но у этого спектакля было много поклонников.

— Если такого калибра пьеса для коммерческого спектакля...

— Я могу назвать ее. Это

культурный центр. И назвать его «Согласие». Я даже свой кабинет отдам — здесь будет пресс-клуб. А рядом, на малой сцене, идет спектакль... К кому бы я ни обратился, все говорят: я бы с удовольствием... Есть люди, которые могут в это дело вложить деньги. Это сдана из форм борьбы за зрителя. Есть и другие.

— Эти формы могут быть в театре, в котором аншлаги...

— Не знаю, не знаю... Вот я думаю, что об аншлаге мы в ближайшие два-три года даже мечтать не можем. Одни ли мы? Я знаю, как легко сделать аншлаг. Я поеду, стану на колени перед Алексеем Баталовым, который приедет, положим, за десять дней сретит роль. Пишу: «В главной роли Баталов». Попробуй достать билеты! Это такой, более легкий успех, на один день. Труднее — медленнее, но — надежнее. Я ищу режиссера, который бы сейчас параллельно со мной работал. Но сейчас трагическое время, идет отток талантливых людей из театра. Уходят, уезжают...

— Я хотела задать тебе вопрос, а ты уже и ответил... Я вспомнила, как на одном из фестивалей, в дискуссионном клубе, ты процитировал Ежи

«ТЕАТР—ЭТО ВЕЧНЫЙ ДОН-КИХОТ»

отрекаются от всего земного и постигают вечность. Поэтому у меня появилась такая тема. Эта тема — в «Простачках с нежданных островов».

— Почему ты начал с этой пьесы Шоу! Почему объединил несколько его пьес! Не вызов ли это общественному вкусу!..

— Вызов. А может быть, вызов и самому себе. Я таких пьес никогда не ставил. Кто такой «простачок»? Или «простак»? Полагаю, что и с точки зрения Бернарда Шоу, наверное, это человек, попадающий в зону ложной идеи. Ты попадаешь в эту зону ложной идеи, и уже от нее не можешь никак отказаться. И уже идешь с ней до конца... Вот мне кажется: и Луначарский — «простачок», который попал в зону ложной идеи и уже не мог из нее вырваться. Образованнейший, умнейший, интеллигентнейший человек. Может, даже и Троцкий... И так далее:

Герои спектакля пытаются провести свой так называемый евристический эксперимент: отобрать самых сильных, самых хороших детей, отгородив от всего мира, с помощью восточной мудрости воспитать элиту. Но вот ведь тоже ничего не получилось... Может быть, человек никогда не сможет найти выход из создавшегося положения!.. Я бы даже сказал: эксперимент под названием «человек» на нашей Земле обречен на неудачу... Эта тема меня волновала еще в «Гамлете»...

— Спектакль заканчивался на фразе: «Дальше — тишина...» В ней звучал вопрос: что там — дальше!.. А теперь — в «Простачках...» И в Мережковском...

(Луценко заканчивает постановку трагедии «Христос и Антихрист» («Царевич Алексей»). Пьесу написал вместе с В. Рудовым по роману Д. Мережковского «Антихрист» («Петр и Алексей»). Менее года назад поставил ее в Русском драмтеатре в Вильнюсе, показал спектакль в Москве в театре Дружбы народов — с большим успехом. И вот ставит в Минске. Дублирует? Тиражирует успех? Ну, уж это — не про Луценко. Для него важнее всего, важнее внешнего успеха, признания, даже понимание зрителя — уяснение вопроса самому себе. Это не значит, что успех, признание, понимание для него — звук пустой. Совсем нет. Но важно другое).

— Я захотел повторить спектакль потому, что размятый материал легче осмыслить, додумать. А я чувствую необходимость думать об этом еще и еще. Алексей, когда он понял, что жизнь есть постижение вечности, стал сильным человеком, он стал сильнее Петра!..

— А как ты рассчитываешь быть со зрителем! В театр сейчас не идут, идут плохо. Но ведь вопрос: еще в том, кто приходит. Недаром замечено, что не всегда проваливается спектакль, порой проваливается зритель... Ну что делать! Воспитывать зрителя! Несомненно. Но как быть театру сегодня! Ты знаешь!..

— Ответа на этот вопрос не дам. Но, мне кажется, нельзя никогда играть в поддавки со зрителем. Это самое опасное. Опасный театральный момент: зритель не ходит, а мы начинаем раздевать актрис, ставить какую-то дешевку?! И он же, зритель, потом не пойдет... Не пойдет интеллигенция. Не пойдет студенчество. И так далее. Нельзя сюсюкать со зрите-

«Амфитрион»... «Амфитрион» писали Плавт, Клейст, Мольер, Жироду, Ротру... Всего 38 интерпретаций античного мифа! А почему все они обращались к этой теме? И нигде я не слышал, чтобы по «Амфитриону» кто-то поставил что-то значительное.

— А ты хочешь смешать все вместе!

— Да. Каждый автор по-своему видит эту тему — человеческой цельности и сложности. И каждый автор по-своему интересен, по-своему посмеивается над зрителем. Я хочу сложить некий коллаж, заказать хорошую музыку. И сделать такой спектакль о борьбе человека с самим собой. Ведь какая там остроумная ситуация! И, я думаю, есть что играть актерам... Потом возникла такая идея, дай Бог, чтоб она получилась: сделать такой сборный спектакль Советского Союза...

— Что-что!..

— Сборный спектакль Советского Союза!.. На основе нашего театра. Причем финансово нас поддерживает Министерство культуры СССР — оно дает на эту акцию деньги. Что это значит? Вот я беру, например, «Ревизор» Гоголя. Понимаю, что зритель может и не пойти. Пошел бы, если бы в роли Городничего, скажем, приехал играть Адомайтис!.. Предположим, он бы согласился. И еще несколько актеров. Прекрасных актеров. И мы поставили бы такой «Ревизор» со сборной труппой.

— Как ты их будешь собирать!

— Ну, это уже мои проблемы. Я буду писать, уговаривать. Кому ни скажу — всем моя идея безумно нравится. Союз деятелей театра любой национальности. Любого мира. Сейчас надо искать какие угодно средства, но театр сейчас должен быть предназначен только для одного: чтобы люди не вступали в полосу некоей гражданской войны. Хотя театр и не может спасти мир. У меня недавно спросили, в чем предназначение театра и почему «Христос и Антихрист», который был выпущен раньше, чем случилось кровопролитие в Вильнюсе, почему он не предупредил... Я ответил: театр — это вечный Дон-Кихот, который борется с ветряными мельницами.

— И, конечно, всегда Дон-Кихота побеждают мельницы...

— На то он и Дон-Кихот, чтобы вечно вступать в борьбу с этими мельницами, даже не надеясь, может быть, на успех. Но вступать — надо!.. И вот мне кажется, сегодня театр должен вступить в борьбу за согласие между людьми, иначе мы перегрызем друг друга глотки... Пусть политики делают свое, я понимаю всю программу демократической платформы, я принимаю программу правового государства. Но даже если программа хорошая, но насильственная, — я такой программы не принимаю. Вся эта петровская программа, казалось бы, ведущая к Западу, ведущая к просвещению, — она ведь была насильственной! «Антихрист», может, в какой-то степени это и показал.

— Да...

— Поэтому мы мечтаем, чтобы театр стал местом согласия. Мы хотели бы создать при Русском театре такой клуб,

Гротовского: «Я хочу научиться летать... А вы!» И объявил: «А что, если бы мы захотели стать лучшими театрами — страны, Европы, мира!.. Мы не допускаем такой мысли!.. А я призываю всех нас — давайте полетаем! Давайте полетаем!» — кричал.

— Давайте! Я согласен, что мы творчески богаче, чем то, что делаем на сцене. Я и про себя это говорю, и про актеров. Вы более талантливы, чем то, что вы делаете на сцене, — я говорю. Я убежден: человек богаче, одареннее, чем то, что он в конечном счете выдает...

— Вот теперь вопрос, на который, я догадываюсь, какой будет ответ. Это — относительно политизации театра. Как ты к этому относишься!

— Понимаешь, я так могу сказать: если в период застоя надо было взбудоражить людей, сейчас у меня ощущение, что надо людей немножко успокоить. Как? Даже встревожив, показав, что мы можем исчезнуть, а затем — отыскать надежду. Дать надежду. Потому, мне кажется, искусственная политизация театра, наверное, имеет право на существование, но это не мой театр... Я всегда иду как-то против течения. Поэтому, может быть, и проигрываю, а может, и выигрываю. Кто знает? Но иду против течения. Если установка такая — я, значит, иду против установки. Если демонстрация идет в эту сторону — я пытаюсь идти в обратную. Не потому, что я такой, ух, какой хороший. Просто, так сказать...

— Такая химия...

— Такая химия во мне, понимаешь? Я бы согласился, чтобы провести в театре некий диспут политический. Но, правда, чтобы стекла не побили и т. д.

— Побьют...

— А может, и не побьют. Надо настроиться на мирный разговор. Я всегда боюсь, когда театр ставит «про сегодняшний день». Вот когда мне говорили, что «Макбет» — это про Сталина», я говорил: «Нет. И про Сталина». Я говорил: «И про Сталина в том числе». Я бы не хотел, чтобы «Христос и Антихрист» было про сегодняшний день. Но не хотел бы, чтобы только про Петра и Алексея. В том числе и про Петра и Алексея. Такие взаимоотношения между отцом и сыном могут быть, сложиться в каком угодно государстве. Я бы хотел, чтобы спектакли были ПРО ЛЮДЕЙ. Я бы хотел, чтобы это был театр ПРО ЛЮДЕЙ.

Сегодня у Бориса Луценко есть единомышленники. И среди актеров, и могучая поддержка — директор Эдуард Иванович Герасимович. Они осознают всю тяжесть добровольно взваливаемых на себя обязательств. «Нужно, с одной стороны, чтобы не мешали, а с другой — элементарная юридическая поддержка, — замечает директор, — ведь в замыслах, по сути, нет никакого прожектёрства — все реально». Но тут же невольно заключает: «Нет ощущения, что мы кому-нибудь нужны...».

Луценко сам устанавливает себе самую высокую планку. Он по природе своей — основоположник. Новая идея, новое дело... Его не пугают ни руины, ни пустыря — расчистит и начнет сначала.

Лилия БРАНДОВСКАЯ.

163

Луценко
Горис

11/III-91,